

В.С. Калмыков

Проблема самосознания французских и русских военнослужащих эпохи наполеоновских войн (по их мемуарам)

В статье рассматривается менталитет военнослужащих французской и русской армий, их отношение к войне, своему долгу и неприятелю. Автор показывает отношение к войне в среде французских солдат и офицеров и их понимания причин войны 1812 г. Также рассматривается отношение русских офицеров к Наполеону и французской армии. Автор делает вывод о равенстве в патриотизме и силе духа военнослужащих русской и французской армий.

Ключевые слова: эпоха наполеоновских войн, Отечественная война 1812 г., мемуары французских и русских военнослужащих, генерал де Марбо, сержант Бургонь, капитан Паркен, майор Х. фон Брандт, партизан Д.В. Давыдов.

От эпохи наполеоновских войн нас отделяет около 200 лет, но с каждым юбилейным годом возрастает интерес к этому времени и событиям. Наиболее яркой страницей того времени, несомненно, была Отечественная война 1812 г. О сражениях и ходе войны написано огромное количество книг и статей, но наибольший интерес представляют мемуары непосредственных участников событий, к которым относятся военнослужащие русской и французской армий. Они позволяют увидеть эпоху наполеоновских войн глазами непосредственных участников, понять их отношение к войне и противнику, определить их понимание своего долга.

Воспоминания участников событий субъективны и пристрастны, но дают возможность ощутить самосознание людей того времени, понять их поступки и увидеть наполеоновские войны их глазами. Наиболее полно

дух эпохи передают мемуары барона и генерала де Марбо, которого Артур Конан Дойль сделал прототипом своего литературного героя бригадира Жерара. Генерал де Марбо происходил из дворянской семьи, а его отец начал свою военную службу в роте телохранителей короля Людовика XVI. Свои мемуары де Марбо писал для своей семьи, и они начинаются со слов: «Моя дорогая жена, мои дорогие дети, я был свидетелем, хотя и очень молодым, великой и страшной Революции 1789 года. Я жил при Конвенте и Директории, я видел Империю. Я участвовал в ее грандиозных войнах и чуть не был уничтожен при ее падении» [8, с. 10–11]. В этих словах полностью раскрывается судьба многих молодых французов. Их молодость пришлась на страшные и великие исторические события, и именно они сформировали их характер и мировоззрение. Как пишет сам де Марбо, их семья «имела благородное происхождение, хотя довольно долго не использовала перед своей фамилией частицу “де “» [Там же, с. 12]. Из этого можно сделать вывод, что де Марбо принадлежал к тому слою провинциального дворянства Франции, которое не отличалось богатством, а свое призвание видело в военной службе.

Революция во Франции, несомненно, отразилась на жизни таких провинциальных дворян, и, хотя сам де Марбо был еще ребенком, он сумел передать атмосферу того времени: «Собрание Генеральных штатов, возбуждавших столько страстей, разрушило покой, в котором пребывала провинция... и посеяла раскол почти во всех семьях. Поскольку мой отец уже давно порицал злоупотребления правящих кругов Франции, он придерживался мнения, что изменения необходимы, совершенно не предвидя те ужасы, которые последуют за ними» [Там же, с. 16]. Возникает вопрос, как де Марбо и его семья отнеслись к якобинскому террору и казни короля. Де Марбо пишет, что «...процессия (повозка с приговоренными к гильотине. – В.К.) привела моего отца в негодование... в присутствии своего адъютанта, в котором он был абсолютно уверен, не переставал восклицать “Эти жалкие члены Конвента испоганили революцию, которая могла быть так прекрасна“» [Там же, с. 20–21].

Эта характеристика Конвента и революции, конечно, наивна и идеалистична, но именно такой взгляд на якобинский террор был распространен в армейской среде. Отношение офицеров и солдат к политике Конвента оказали на де Марбо и его ровесников несомненное влияние. В их сознании получило распространение убеждение в том, что изначально идеалы революции были чисты, но их испортили члены Конвента и прочие тыловики. Характерно замечание самого де Марбо: «Я понял все, что говорил отец по этому поводу, и также испытывал ненависть к этой партии террористов» [8, с. 21].

Можно задать вопрос, были ли офицеры и солдаты французской армии революционерами и якобинцами? Насколько сильно они верили в идеалы революции? Ответ на этот вопрос будет несколько парадоксальным: в первую очередь они были патриотами Франции и идеалистами. Часть из них имела стойкие республиканские убеждения, но в большинстве своем они были далеки от якобинства. В мемуарах де Марбо можно найти прямой ответ на данный вопрос: «Но почему же, возразят мне, ваш отец служил правительству, которое он презирал? Да потому, что он думал, что изгнать врага с территории Франции – это всегда дело его чести, которое освобождает военных от солидарности с теми ужасами, которые творил Конвент» [Там же]. В принципе, это и есть ответ на вопрос, кем были солдаты и офицеры армии Наполеона. В основном они были патриотами, защищающими Францию от внешнего врага. Можно возразить, что эти настроения были присущи только офицерам и выходцам из дворянских семей, но Филипп-Рено Жиро, служивший военным музыкантом в пехотном полку, в своих мемуарах отмечает общий подъем патриотизма, охвативший французское общество: «В Битше мы вновь встретились с офицерами-добровольцами. Это были, большей частью, молодые люди из хороших семей. Все они отправились служить своей стране за свой счет и только из патриотических побуждений» [3, с. 65].

Конечно, в период наполеоновских походов идея защиты Франции постепенно вытеснялась чувством превосходства над другими странами и идеей верности императору, но в своей основе мировоззрение многих французских солдат и офицеров было сформировано в эпоху Республики и оставалось глубоко патриотичным по своему содержанию. Что касается отношения простых солдат к якобинцам и Конвенту, то самую яркую характеристику дают мемуары Жиро. Его пехотный полк участвовал в сражении при Флерюсе и, преследуя австрийцев, остановился у Льежа: «здесь нас застало известие о падении Робеспьера, Сен-Жюста и других 9 термидора II года. Это событие было радостно встречено всем лагерем» [Там же, с. 72]. Как это ни странно, армия французской республики не была якобинской по своей сути, поэтому и армия Наполеона в дальнейшем не была революционной или якобинской. В первую это была национальная и патриотическая армия, в которой были представлены все социальные слои Франции.

Правда, к 1812 г. настроения во французской армии достаточно сильно поменялись, и патриотизм был разбавлен чувством имперского превосходства. Как писал вахмистр 2-го кирасирского полка Тирион, «Полные сил и надежд, гордые принадлежностью к великой нации и носимым мундиром, мы мечтали о славе, о продвижении по службе

и победах» [2, с. 44]. Война рассматривалась военнотружущими французской армии как своего рода жестокий спорт или рыцарский турнир. При чтении мемуаров французских офицеров возникает ощущение, что они искренне не понимали враждебного отношения к французам в Испании и России. Что касается прихода к власти Наполеона и провозглашение его императором, то отношение к этому французской армии точно выразил де Марбо, написавший: «Французская нация устала от революций и, видя, насколько Бонапарт был необходим для поддержания порядка, готова была забыть ужасное дело герцога Энгийенского и возвести Бонапарта на вершину власти, провозгласив его императором» [8, с. 125].

Для французского общества и армии того времени это был закономерный выбор, поскольку реставрация Бурбонов была наилучшим вариантом. Открытым остается вопрос о степени республиканских настроений во французской армии, которые, несомненно, имелись, но, в основном, Бонапарт рассматривался как лидер нации и защитник национальных интересов Франции. К тому же республиканские структуры власти были морально подорваны режимом Директории. Причины войны Франции с европейскими странами рассматривались в офицерской среде как происки и интриги Англии. Как пишет де Марбо, присоединение Генуи к Франции «дало прекрасный повод англичанам, воспользовавшимся подобным решением для того, чтобы напугать все народы континента, которым они представили Наполеона стремящимся захватить всю Европу» [Там же, с. 131–132].

Такой несколько наивный взгляд на причины войны был характерен для офицеров и солдат французской армии. Следует отметить, что длительная война также формировала мировоззрение и самосознание французских военнотружущих. Война становилась привычной и обыденной вещью, источником славы и чинов, ее начинали даже любить. Вот что пишет в своих мемуарах капитан Паркен, офицер конно-егерского полка: «1 мая 1811 года бригада Фурнье покинула свое месторасположение и мы прибыли в Сьюдад-Родриго, где присоединились к дивизии генерала Монбрена, самого блестящего полководца из всех... В тридцать лет он был дивизионным генералом, графом Империи, получая сто тысяч франков жалованья вместе с обеспечением. Однако он находил удовольствие только в сражениях, предпочитая военные лагеря салонам» [4, с. 63].

Читая мемуары французских офицеров о войне, можно удивляться тому куртуазному и рыцарскому поведению, которое они описывают по отношению к своим противникам. Например, капитан Паркен, вспоминая первую встречу с англичанами, пишет следующее: «Командир

де Вериньи, отдававший приказы линии бригадных стрелков и желая познакомиться с господами английскими офицерами, сказал мне: Паркен, вот бутылка превосходной французской водки, скачите галопом к английской линии, помащите белым платком, и когда к вам подъедут узнать, чего вы хотите, отвечайте, что предлагаете офицерам, находящимся в линии напротив, распить эту бутылку вместе с ними» [4, с. 85]. Естественно, что такие эпизоды не определяли облик войны, особенно в Испании и России, но они показывают определенный менталитет военнослужащих французской армии, воспринимающих войну как рыцарский турнир. Это представление о войне скорее восходит к XVIII в. В какой-то степени армия наполеоновской Франции унаследовала его от прежней королевской армии.

Однако к 1812 г. в армии Наполеона все больше чувствуется усталость от долгой войны, а солдаты из иностранных частей воюют вовсе не из патриотических чувств. Свидетельства этому можно найти в мемуарах Хайнриха фон Брандта, служившего в Легионе Вислы. Перед походом в Россию он с другими офицерами Легиона побывал в Париже и оставил об этом такие впечатления: «офицеры Легиона Вислы вынесли с собою из столицы Франции ... неодинаковые впечатления. Большинство было недовольно. Все мечтали о производствах, о наградах, об орденах, о дотациях. Чем скупее офицеры и солдаты награждались орденами в Испании, те более надеялись они на награды здесь» [10, с. 19–21]. Иностранные части сильно разбавили состав «Великой Армии» и, несомненно, ухудшили ее качество. Иностранные солдаты не имели никаких патриотических чувств по отношению к Франции и воевали за награды, чины и прочее.

Даже польские солдаты, наиболее верные союзники Франции, воевавшие за возрождение Польши, также были подвержены этим настроениям. В мемуарах фон Брандта можно встретить и описание экономического состояния герцогства Варшавского: «5 мая добрались до Познани. Впечатления, приобретенные нами на марше, были не из радостных. Повсюду мы встречали несчастья и бедность, торговля и промышленность не существовали; земледелие находилось в жалком положении; цены на хлеб упали чрезвычайно низко; все остатки жатвы шли не на рынок, а в военные магазины. Словом, везде господствовала нужда, неудовольствие, желание лучшего» [Там же, с. 22].

Это свидетельствует не о процветании Империи Наполеона, а о ее истощении длительной войной, которая утомила не только гражданское население, но и армию. К 1812 г. солдаты «Великой Армии» были менее дисциплинированы и более склонны к грабегам, чем во времена

Республики. Как отмечает фон Брандт, «Бездельники французы, – говорили польские солдаты, – хозяйничают здесь (в России. – *В.К.*), как в Испании; но они ошибаются, если думают, что русские не оплатят им тем же; придет время и для них» [10, с. 10]. За долгие годы война стала для офицеров и солдат наполеоновской армии своего рода профессией и образом жизни: «Молодые же офицеры были преисполнены наилучшими надеждами: они крепко веровали в звезду императора, и я думаю, если бы он потребовал атаковать луну, молодежь ответила бы: “marchons” (здесь в значении: пойдём. – *В.К.*). Молодые воины мечтали лишь о сражениях и победах» [Там же, с. 15].

Такие настроения были распространены среди офицеров и солдат наполеоновской армии в начале похода в Россию. Война представлялась им короткой и победоносной, приносящей награды и чины. Однако нельзя сказать, что «Великая Армия» образца 1812 г. была лучшей армией Франции по своему качественному составу. Например, де Марбо считает, что лучшей армией Франции была «Великая Армия» образца 1805 г.: «Никогда еще у Франции не было более подготовленной и образованной армии, с таким превосходным по качеству личным составом...» [8, с. 132]. Определенную трансформацию морального состояния своей армии чувствовал и Наполеон, пытавшийся перед походом в Россию вдохновить солдат уставами эпохи Республики: «Перед вступлением на русскую землю нам были прочитаны для напоминания правила об обороне крепостей и о капитуляции в открытом поле, написанные еще во времена республики (26 июля 1792 г. – *В.К.*) и пополненные новыми императорскими постановлениями» [10, с. 10]. Такая попытка говорит о стремлении Наполеона вернуть своей армии боевой дух прошлых лет, связанный с патриотическими настроениями. Однако в 1812 г. французская армия уже не была национальной и патриотической, она в большей степени стала императорской.

Можно составить обобщенный портрет солдата или офицера «Великой Армии» того времени. Отличительными чертами его мировоззрения были чувства чести и долга по отношению к Франции и Императору, несомненная храбрость и верность своему знамени и подразделению. Многим офицерам был свойственен своеобразный дух рыцарства и отношение к войне как жестокому спорту. Все это было смешано с чувством превосходства над другими народами и склонностью к грабежу местного населения. Следует отметить отсутствие религиозности среди военнослужащих «Великой Армии». Эта сторона жизни обошла их стороной. Религиозное чувство у других народов вызывала у них искреннее удивление.

Как вспоминает сержант Бургонь, во время похода в Россию его удивила религиозность русских: «В тот день я был в авангарде еще с пятнадцатью товарищами и мне поручили стеречь нескольких офицеров, оставшихся в плену после Бородинского сражения. Многие из них говорили по-французски. Между ними находился, между прочим, и православный поп, вероятно, полковой священник... Я заметил, как и многие другие, что когда мы взобрались на холм, все пленные склонили головы и несколько раз набожно осенили себя крестным знамением. Я подошел к священнику и осведомился, что означает эта манифестация. “Сударь, – отвечал он, – гора, на которой мы находимся, называется Поклонной, и всякий добрый москвич при виде святынь города обязан перекреститься”» [1, с. 12].

Как справедливо отмечает В.Н. Земцов, «Эпоха Великой революции, захлестнувшая безбожием и атеизмом французскую нацию, была не так далека» [6, с. 39]. Аббат Сюрюг, настоятель церкви Св. Людовика в Москве, отметил, что французские солдаты отличаются безразличием к религии. В письме к своему другу он отметил, что: «Среди 12 тысяч человек, умерших во время нахождения здесь (в Москве. – В.К.), я похоронил по обычному обряду только одного офицера и одного из слуг генерала Груши» [Цит. по: 6, с. 40]. Таким образом, можно сказать, что военнотружущие «Великой Армии» в своей массе были людьми не религиозными, но личность Наполеона заменила в их душе Бога. Это был один из феноменов наполеоновской эпохи и основной идеологический стержень французской армии.

Русские солдаты и офицеры впервые встретились в бою с французами еще в Италии, во время похода А.В. Суворова. В дальнейшем русская армия сражалась с французской с небольшими перерывами до 1814 г. За это время солдаты и офицеры русской армии составили определенное мнение о своих противниках, но самое первое впечатление о французах они вынесли из Итальянского похода А.В. Суворова. Вот как отзывался о французах и сражениях с ними унтер-офицер Яков Михайлович Старков, описывая сражение при Треббии: «Битва была насмерть. Наши невольно пятились назад; а безбожники гордо, пышно шли вперед, с игрою музыки и с громким криком: Вив републик! Вив либерте-эгалите!» [11, с. 90].

Солдаты русской армии отметили храбрость и патриотизм французов, но в отличии от своих противников они были людьми религиозными. Французы воспринимались ими как безбожники. В войне 1812 г. этот фактор играл огромную роль. Д.С. Мережковский о Бородинском сражении писал: «Может быть, не только французы и русские, но и люди

вообще, никогда не дрались с таким ожесточением и с такою равною доблестью, потому что за святыни равные: французы за мир и Человека, русские за отечество и еще что-то большее, сами не знали за что: думали «За Христа против Антихриста»» [9, с. 211–212].

Патриотизм русских солдат и офицеров, их верность присяге и своему знамени столкнулись с патриотизмом французов и их верой в Наполеона. В этом духовном столкновении их силы были практически равны, но русские рассматривали эту войну как борьбу с захватчиком, поэтому перевес в моральных силах был на их стороне. Фактически только русская армия в то время была достойным противником французов на поле боя. Старшие офицеры русской армии отдавали должное храбрости французов и военному таланту Наполеона. Еще А.В. Суворов так отзывался о молодом Бонапарте: «О, как шагает юный Бонапарт! Он герой, он гигант, он колдун! Он побеждает и природу и людей. Лишь только вступил на путь военачальничества, как уж он разрубил Гордиев узел тактики. Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем... Но ежели... бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет» [7, с. 34].

Как отмечает Л.Л. Ивченко, русские полководцы, помнившие царствование Екатерины II, осуждали Бонапарта за «преступное самовластье» [Там же]. Если доводить мысль до конца, то в их представлении Наполеон был незаконным императором. Получив власть, он должен был вернуть ее законной династии Бурбонов. Такая постановка вопроса для Франции и ее общества того времени была бессмысленна. Ни армия, ни французское общество не поддержали бы Бонапарта в таком политическом вопросе. Даже если бы он и хотел передать власть Бурбонам, у него не было для этого никакой возможности. Однако для русских офицеров, считавших монарха помазанником божьим, вопрос о законности власти был решающим.

Военный талант Наполеона и доблесть французской армии вызывали восхищение у русских офицеров. Наиболее ярко описал это в своих мемуарах Д.В. Давыдов, которого трудно заподозрить в любви к Наполеону. Описывая бой под Красным, он искренне восхищался старой гвардией Наполеона: «Наконец, подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Неприятель, увидев шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими

медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля!» [5, с. 310–312]. Эту цитату часто приводят в статьях, посвященных армии Наполеона, поскольку в ней дается прекрасная характеристика боевых качеств гвардейцев Наполеона, данная современником.

Как справедливо отмечает Л.Л. Ивченко, русские офицеры откровенно восхищались военным гением Наполеона и французской армией. Они откровенно сочувствовали маршалу Нею, приговоренному к смерти, после поражения Наполеона при Ватерлоо [7, с. 37]. Фактически сложилась парадоксальная ситуация, когда офицеры вражеской армии восхищались противником и проявляли к нему сочувствие. Происходило это вследствие того, что солдаты и офицеры русской и французской армий в большинстве своем были искренними патриотами, а понятие чести и долга не было для них пустым звуком. В моральном отношении силы обеих армий были равны, а мировоззрение военнослужащих опиралось на патриотизм и верность долгу.

В заключение следует сказать несколько слов о войнах Франции и России, длившихся с перерывами с 1799 по 1814 гг. Они не были спровоцированы личностями Наполеона или Александра I, проблемы этого конфликта лежали гораздо глубже. Наполеон мог погибнуть в сражении при Арколе или в Египте, но французская республика и ее противоречия с государствами Европы и Англией никуда не исчезли бы. Не исчезло бы и отрицательное восприятие Франции при королевских дворах Европы и в России, а на месте Бонапарта мог оказаться и другой генерал. Поэтому создание антифранцузских коалиций и военные кампании, направленные против Франции, были объективным явлением. Участие в этих коалициях России тоже было весьма вероятно, поэтому дело не в личностях Наполеона или Александра I.

Библиографический список

1. Бургонь, Адриан-Жан-Батист. Мемуары. М., 2003.
2. Воспоминания вахмистра 2-го кирасирского полка о кампании 1812 г. // Сержант. 2003. № 26. С. 44–47.
3. Воспоминания Жиро // Воин. 2004. № 16. С. 62–65. 2005. № 18. С. 71–73.
4. Воспоминания капитана Паркена // Воин. 2003. № 11. С. 60–63. № 12. С. 85–89.
5. Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1987.
6. Земцов В.Н. Смерть Фердинанда Ларибуазьера // Император. 2004. № 6. С. 34–40.
7. Ивченко Л.Л. Наполеон глазами русской армии // Император. 2006. № 9. С. 32–37.

8. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005.
9. Мережковский Д.С. Наполеон. М., 1993.
10. Поход в Россию: Из записок прусского офицера // Армии и битвы. 2005. № 4. С. 19–22. 2006. № 5. С. 10–15.
11. Преснухин М.А. Битва на Треббии 1799 г. М., 2001.